

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р83

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Руж, Александр.

Р83 Волчий камень / Александр Руж. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-114172-1

Середина XIX века. Супруги Анита и Алекс уехали из России, чтобы путешествовать по Европе, а там беспокойно: в Берлине, где они задержались, назревает революция. Аните рассказывает об этом за бокалом вина в ресторанчике новый знакомый Вельгунов. Он же указывает ей на колоритную пару – известную писательницу Элоизу де Пьер и ее жениха, богатого фабриканта Либиха – и сразу после этого внезапно умирает. В смерть Вельгунова от сердечного приступа Анита не верит, поэтому проявляет настойчивость, добываясь от полиции максимально полной экспертизы. И оказывается права: Вельгунов был отравлен. После этого Аните неожиданно наносит визит Элоиза де Пьер. Она спрашивает Аниту о ее взаимоотношениях с Вельгуновым, чем вызывает подозрения, что эта загадочная и опасная история только начинается...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Руж А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114172-1

Пролог первый, развернутый

За окнами Бельведерского дворца, одного из красивейших зданий восьмивековой Варшавы, вздрагивали и раскачивались языки пламени. Внутри, у витражей дворцовой залы, стоял, заложив руки за спину, человек лет пятидесяти в парадном мундире с орденами и, поджав тонкие маленькие губы, делавшие его круглое лицо немного кукольным, смотрел на злое отблески уличных пожаров.

Человека звали Константин Павлович Романов, и был он, ни много ни мало, вторым сыном покойного императора Павла Первого, бывшим наследником царского престола, а ныне наместником самой западной русской провинции — Царства Польского. Константин Павлович приехал в Польшу по поручению своего старшего брата императора Александра сразу после того, как, согласно решению Венского конгресса, часть Великого герцогства Варшавского отошла России. Александр назначил его командующим польской армией при первом наместнике — генерале Юзефе Зайончке. Когда Зайончек умер, Константин Павлович сделался полновластным хозяином русских владений в Польше.

Властью своей он не злоупотреблял: строго соблюдал польскую конституцию и слыл правителем хотя и вспыльчивым, но честным и великодушным. Когда российский трон занял младший сын Павла Николай, Константин Павлович принял решение остаться в Польше навсегда. Назад, в «большую Россию», его уже не тянуло. Он обжился в Варшаве, ему здесь было уютно, к тому же, разойдясь со своей первой супругой, кобургской принцессой Юлианной, он женился на польской графине Жанетте Грудзинской, восхитительной красавице, которая была предана ему всей душой. Словом, Польша стала для великого князя второй родиной, а варшавский Бельведер — вотчиной, и он никуда не собирался отсюда уезжать.

6

Однако настали смутные времена, и все переменилось. Еще в конце двадцатых годов до Константина Павловича доходили тревожные слухи о том, что в Царстве Польском, Литве и Правобережной Украине создаются тайные масонские организации, готовые военный мятеж с целью возвращения Польше государственной независимости. Слухи вызывали у великого князя раздражение, он им не верил. Какой мятеж? Польская провинция милостью Александра Первого получила такие права и свободы, каких не было в метрополии — петербургские свободолюбцы скрипели зубами от зависти, читая дарованную Царству Польскому конституцию. По твердому убеждению Константина Павловича, жаловаться полякам было совершенно не на что, жилось им сытно и спокойно. Ан нет — осенью 1830 года, на волне европейских революций, начались волнения и на берегах Вислы. Великий князь понял, что положение куда серьезнее, нежели он мог предполагать.

В подготовке восстания немалую роль сыграло католическое духовенство (вот и добубнились ксендзы, подумал Константин Павлович, стоя у окон дворца), а масла в огонь подлило известие о том, что русские и польские войска будут в скором времени брошены на подавление бельгийских повстанцев. В Бельгии творилось черт-те что: созданное пятнадцать лет назад Нидерландское королевство в одночасье разлетелось на куски. Вот тебе и Венский конгресс, вот тебе и Священный Союз народов... Нет теперь больше никакого Союза, одни бесполезные закорючки на гербовых бумагах, чья юридическая сила никого уже не волнует. Политическая утопия Александра рухнула, пережив своего создателя всего-то на пять лет. А коли так, то, по мнению Константина Павловича, ни к чему сейчас России вмешиваться в чужие дела — пусть французы с голландцами сами разбираются, что делать с мятежной периферией.

Мысли о Бельгии и новом европейском устройстве сразу выветрились из головы великого князя, когда промозглым ноябрьским утром к нему в Бельведерский дворец явился генерал Новосельцев, верный соратник со времен Заграничных походов, и с порога заявил:

— Дело плохо, ваше высочество. Волнения в войсках...

Этому Константин Павлович тоже не хотел верить. Он сам, лично, будучи еще в ранге командующего, выпестовал новую польскую армию, сделал ее образцовой. И что же — те, о ком он так заботился, повернут оружие против него, против России? Это не укладывалось в голове, и великий князь, исподлобья глянув на Новосельцева, недовольно буркнул:

— Померещилось, что ли?

— Никак нет, ваше высочество, — храбро ответил генерал (о вспльщивом нраве сюзерена он знал не понаслышке, но дело было столь серьезно, что не до экивоков). — Имею сведения, что не сегодня завтра мятежники попытаются захватить резиденцию императорского наместника.

Захватить Бельведер? Константин Павлович фыркнул. Какой бред!

— Ты, Василий Панкратьевич, не выспался сегодня. Тут у нас, чай, не Франция.

— Так точно, не Франция, — ответил, не дрогнув, генерал. — Но бунтовать поляки умеют не хуже галлов.

— И что же ты предлагаешь?

— Объявить в Варшаве военное положение. Ввести в город дополнительные части и дать им приказ при малейших признаках беспорядков стрелять без промедления. Усилить сыскную деятельность. Установить личности заговорщиков и произвести аресты.

Меры были известные, и Новосельцев перечислял их без запинки. Константин Павлович слушал помощника с отрешенным лицом, а когда генерал умолк, вышел из-за стола и, засопев своим круглым, по-павловски вздернутым носом, произнес:

— На усобицу меня толкаешь? Хочешь, чтобы я подданных государевых в штыки? Нет уж! Никакой стрельбы не будет. Войска, какие есть, из Варшавы вывести сей же час.

— Ваше выс...

— Молчи! Бойни не допущу. Я с поляками пятнадцать лет душа в душу живу, их интересы отстаиваю. Не за что им на меня обиду держать, понял?

— Понял, ваше высочество, — выдавил Новосельцев. — Только есть у меня сведения...

— Вот что, Василий Панкратьевич, сильно смахивают твои сведения на провокацию. И смысл этой провокации в том, чтобы заставить нас сделать ход первыми — начать аресты, учинить погромы. Тогда-то и будет повод для мятежа.

Великий князь сел за стол и придвинул к себе чернильный прибор. По лицу его было видно, что решение он уже принял — окончательное и бесповоротное.

— Никаких арестов. Никакой стрельбы. Будем ждать. Авось пронесет. Верю: поляки не осмелятся пойти на меня войной.

Так он сказал тогда и совершил страшную ошибку. Поляки осмелились — подняли в Варшаве вооруженное восстание. К Бельведерскому дворцу стали стекаться отряды бунтовщиков, Константин Павлович видел их из окон. Кольцо вокруг резиденции русского наместника стягивалось, а он все никак не мог поверить, что происходящее не грезится ему в кошмарном сне.

Накануне из Петербурга прибыл нарочный с пакетом от императора. Николай требовал доложить обстановку, спрашивал, не нужна ли помощь. Константин Павлович, поколебавшись, отписал брату, что помощь не требуется, все в порядке и лучше было бы понапрасну не трепать полякам нервы — пошумят и успокоятся. Великий князь понимал, что Николаю сейчас не до Польши — Россию в буквальном смысле лихорадило: началась холерная эпидемия, от которой погибли уже десятки тысяч человек. В народе распространились слухи, будто это лекари по злому умыслу сеют заразу. Еще летом Константин Павлович узнал, что в Севастополе при попытке выселить людей в карантинные лагеря взбунтовались матросы

и мастеровые, был убит военный губернатор. Теперь же императорский курьер принес весть о том, что связанные с холерой беспорядки вспыхнули в Поволжье. В Тамбове пятитысячная толпа мещан разгромила больницу и захватила губернатора.

В стране, разгороженной карантинными кордонами, воцарилась атмосфера, близкая к панической. А тут еще и Польша! Нет, Константин Павлович считал себя не вправе отвлекать внимание императора на варшавские волнения и очень надеялся, что они утихнут сами собой.

Надеждам не суждено было оправдаться. Днем 17 ноября в залу Бельведерского дворца ворвался расстрепанный Новосельцев.

— Ваше... — проговорил он, задыхаясь, и рванул ворот мундира. — Ваше высочество, вам надо немедленно скрыться!

— Скрыться? — переспросил Константин Павлович, и в груди заныло от нехорошего предчувствия. — Куда скрыться? Зачем?

— Сейчас они будут здесь. Дворец окружен. Если не хотите попасть в плен — бегите!

Генерал говорил прямо, отбросив придворную дипломатию. До великого князя наконец дошло, что святая вера в польскую лояльность пошла прахом.

— Они все-таки посмели... — прошептал он, прижавшись лбом к холодному витражному стеклу. — Как же так? За что?

— Некогда разбираться, ваше высочество. Бежим! Слышите? Они уже на лестнице!

Через распахнутые парадные двери в зал проник тяжелый топот многочисленных ног. Судя по звукам, по лестнице поднимался целый отряд. Константин Павлович схватился за висевший у пояса пистолет.

— Не отобьемся! — замотал головой Новосельцев. — Там толпа, и все вооружены. Бежим через заднюю дверь! У черного хода мои люди.

Вдвоем они выбежали из зала, генерал запер дверь снаружи. Константин Павлович, на счету которого было участие в Итальянском и Швейцарском походах Суворова и во всех антинаполеоновских войнах, не испытывал страха, но никак не мог избавиться от растерянности и досады.

— Николай... сволочь! — произнес он сквозь зубы, спускаясь вслед за Новосельцевым по черной лестнице, и громко выматерился.

Новосельцев пропустил слова начальника мимо ушей — во-первых, момент был такой, что с уст могло сорваться что угодно, а во-вторых, Константин Павлович при нем нередко отпускал крепкую ругань по адресу самых высоких особ императорского двора. Подобные вольности водились за великим князем с детства, когда он слыл крайне дерзким ребенком. Правда, государя Константин Павлович не ругал при посторонних никогда. Знать, допекло...

Великий князь был в самом деле зол на венценосного младшего брата. Еще как зол! Если с Александром у него сложились близкие, дружеские отношения (Александра он уважал, считал блестящим правителем самого высокого мирового уровня), то Николай не вызывал ничего, кроме разочарования. Так быстро утратить позиции в Европе, расшатать страну... Александр в гробу переворачивается от стыда за бездарные деяния преемника. Что хорошего сделал Николай для России за эти пять лет? Выиграл войну с турками? Велика заслуга! Турки никогда не умели воевать, да и разгромил их не император, а Дибич с Витгенштейном, честь им и хвала. А Николай...

С ним не считаются ни в Англии, ни во Франции, ни в других мало-мальски значительных державах. Вот и поляки, почуяв слабину, решили порвать узду.

Возможно, Константин Павлович в своих категоричных оценках был не совсем справедлив, но сейчас, когда он в спешке стучал каблуками по ступеням и чувствовал спиной приближение мятежников, ему было не до объективных суждений. Николай — шляпа, безмозглый солдафон, окруживший себя бездарями и не видящий, что творится у него под носом. И если поляки отрежут у него свой ломоть территории — поделом! Он, Константин, и пальцем не пошевелит, чтобы помочь удержать Варшавское герцогство.

Мысли эти, смешанные с обидой и гневом от испытанного унижения, толкались в голове великого князя. Он уже не следил за ними, забыв о своей роли наместника и превратившись снова в того необузданно-капризного подростка, который кусал руки воспитателям и дурным голосом вопил: «Гады!.. Все гады!»

— Ваше высочество, — проговорил на бегу Новосельцев, — не прикажете ли послать гонцов в Модлин и Замостье? Пусть готовятся к обороне.

— Нет! — отрывисто бросил Константин Павлович. — Никаких боев! Пусть поляки берут, что хотят. Это их города, их земля...

Выскочили на улицу. У задней стены дворца топтались лошади, всадники в русских мундирах взмахивали саблями. Новосельцеву и Константину Павловичу подвели свободных коней.

— Ваше высочество, садитесь! Время...

Великий князь не заставил себя упрашивать. Когда он устроился в седле и взял в руки поводья, из-за угла появилось несколько человек с ружьями наперевес. Грянули выстрелы, один из всадников застонал

и повалился на холку своего коня. Новосельцев выхватил из ножен саблю.

— Вперед!

Отряд ринулся прямо на нападавших и смел их с пути. В этот момент распахнулась дверь черного хода, откуда только что выбежали генерал с заместителем, и Константин Павлович, обернувшись, увидел, как из дворца валом поперла вооруженная орда. Выстрелы затрещали беспорядочно и торопливо. Одна из пуль вжикнула над ухом великого князя.

— Ваше высочество, не отставайте!

Великий князь не отставал. Понимание реальности совершающегося в Варшаве переворота овладело его сознанием. И все же он не стал вынимать пистолета — только сжал крепче руками поводья и вслед за Новосельцевым, скакавшим во главе отряда, свернул в боковую улочку, туда, где проще было затеряться. Некоторое время сзади доносились звуки погони, но генерал, ловко лавируя в хитросплетениях городских предместий, сумел сбить мятежников со следа.

— Оторвались, ваше высочество! Теперь можно передохнуть.

Константин Павлович не отозвался. Безмолвный, будто и не замечающий ничего вокруг, он сидел в седле, и *павловское* лицо его было мрачнее самых черных туч, которые заволкли небо над варшавскими окраинами.

Пролог второй, лаконический

Из «Новой рейнской газеты»

(№ 17 от 17 июня 1848 года):

«...Суверенный народ Берлина вчера снова сделал фактическое напоминание о своей первой революции. Если бы только правительство оказало насильственное сопротивление, то у нас была бы вторая

Александр РУЖ

революция. Днем народ уже снял железные решетки с двух порталов дворца, разбил их и бросил в Шпрее, а вечером произвел нападение на цейхгауз, чтобы достать оружие. При этом гвардейцы стреляли в народ. Двое были убиты, двое ранены.

По всем улицам уже прозвучал призыв к мести. На Кенигштрассе и Лейпцигштрассе были построены баррикады, причем были использованы проезжавшие мимо экипажи, которые народ тут же останавливал и опрокидывал. Меж тем гвардейцы изменили линию своего поведения: народ уже не видел перед собой врага. Солдаты присоединились к восставшим. Все единодушно считали, что необходимо свергнуть правительство. Народ слишком ненавидел реакцию...»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОСТРЕЛЕННАЯ АФИША

Тост за Гофмана. — «Лютер унд Вегнар». — Загадочный человек Андрей Еремеевич Вельгунов. — Путешествие по Европе. — Чем опасен Берлин. — Бокал вина и американская сигара. — Жандармская площадь. — Необычная пара. — Смерть, в которую трудно поверить. — Дом на Фридрихштрассе. — Веселая песня об отсутствии денег. — Анита приходит в ужас. — Кое-что о кулачном бое. — Неожиданный визит. — Экипаж у крыльца. — Извозчик по имени Гюнтер. — Максимов попадает в ловушку.

15

— **Т**оворят, в этом ресторанчике любил сидеть сам Гофман, — сказал не без благоговения господин Вельгунов и поднял бокал, наполненный красным вином. — Ну что, Анна Сергеевна, выпьем за бессмертную душу гения?

— За бессмертную душу гения не выпить грех, — улыбнулась Анита, и бокалы, соприкоснувшись, тонко звякнули.

Маленький ресторан «Лютер унд Вегнар», расположенный на Жандармской площади в центре Берлина, был стар, темен и навевал мысли о бренности всего земного. Сидя за столиком, Анита оглядывала ветхие, державшиеся на честном бюргерском слове стены, мебель, помнящую, вероятно, еще времена